

Виталий Манский: «Мы все соучастники того, что произошло с нашей страной» | Vitaly Mansky: «Nous sommes tous complices de ce qui s'est passé avec notre pays»

Автор: Заррина Салимова, [Цюрих](#) , 10.10.2018.

Виталий Манский перед встречей со зрителями в Цюрихе © Nashagazeta.ch

Документальная лента Виталия Манского «Свидетели Путина» сегодня выходит на швейцарские экраны. Мы встретились с режиссером во время Цюрихского кинофестиваля, где состоялась швейцарская премьера картины, и поговорили о фильме, Путине и многом другом.

|

Le documentaire «Putin's Witnesses» de Vitaly Manski sort aujourd'hui sur les écrans suisses. Rencontré lors de l'avant-première du film au Zurich Film Festival, le réalisateur nous a parlé de ce documentaire, de Poutine et de beaucoup d'autres choses.

Vitaly Mansky: «Nous sommes tous complices de ce qui s'est passé avec notre pays»

Виталий Манский – российский режиссер-документалист и продюсер, завоевавший более ста премий и призов на кинофестивалях по всему миру. С 1995 по 2004 годы он работал на российском телевидении. В 1999 году возглавил службу производства и показа документальных проектов на телеканале «Россия». В начале 2000-х годов Виталий Манский снял несколько документальных лент о первых лицах государства – Михаиле Горбачеве, Борисе Ельцине и Владимире Путине. В частности, Манский был одним из авторов фильма «Неизвестный Путин», а также режиссером картины «Путин. Високосный год» о первом годе президентства Владимира Путина.

Позже Манский стал открыто критиковать политику Владимира Путина и в 2014 году, в разгар «крымского кризиса», уехал из России. В 2018 году он на основе собственного архива и ранее неопубликованных материалов сделал новую картину «Свидетели Путина», в которой рассказывает о том, как Владимир Путин приходил к власти. Мы встретились с Виталием на [Цюрихском кинофестивале](#) и поговорили о том, что для него значит эта картина и как изменилось его отношение к Путину за эти годы.

Наша Газета: Виталий Всеволодович, почему вы решили вернуться к своим архивам 18 лет спустя?

Время пришло. Оно могло и не прийти. Если бы Путин, как и положено по Конституции, ушел в 2008 году, и если бы после Медведева в 2012 году был выбран какой-то третий президент, то вряд ли бы я возвращался к этому материалу. Жизнь интереснее и увлекательнее, чем работа с архивами. Но в данной конкретной ситуации архивы оказались актуальнее жизни, поэтому они заставили меня к ним вернуться. Мне кажется, что для России, и не только для России, это достаточно показательный пример – схождение с пути построения демократического общества и все, что произошло с потерей свободы. Эта история более чем поучительна.

А когда вы поняли, что началось «схождение с пути построения демократического общества»?

Осознание окончательно пришло в 2012 году, когда так называемый «тандем» раскрыл карты и сказал, что Путин возвращается, а все это было частью конструкции. С началом войны в Украине и аннексией Крыма все усугубилось. Это уже были последствия, но достаточно жесткие.

Фильм «Свидетели Путина» начинается с того, что ваша жена Наталья, узнав 31 декабря 1999 года о решении Ельцина назначить Путина своим преемником, говорит, что «придет твердая рука», а Путин «закрутит гайки», т.е. она сразу все поняла, а вы – только 12 лет спустя?

Да. Дело в том, что моя жена не была кооптирована в процесс, поэтому она его воспринимала сердцем. А я все-таки был кооптирован: у меня были какие-то знания, я был слишком завязан в систему компромиссов, которая сбивала меня с толку. Я,

прежде всего, доверял людям, которые «придумали» Путина. Я думал, что они все проверили и знают, что делают. Одним словом, я был слишком посвящен, а она была чиста и открыта. Ее реакция была естественной, а моя реакция, к сожалению, как и у многих других, кто был вовлечен в процесс, пришла уже с осознанием результатов конкретных действий, поступков, предательств и отступлений.

Но должен сказать, когда я приступил к работе над первым фильмом, начал общаться непосредственно с Путиным, наблюдать за его окружением, когда стал свидетелем каких-то вещей, у меня непроизвольно стали возникать сомнения, которые я формулировал в своих вопросах. Эти вопросы не были актуальными в тот момент: человека только что избрали, закончился первый год президентства. Зачем говорить о вождизме и смене власти, когда он кажется открытым «латентным» демократом? Но вопросы возникали сами. Я, как правило, не готовлю вопросы, когда снимаю, а доверяюсь интуиции, а эти вопросы шли кругом – «барабаном». Я постоянно с ним об этом говорил и удивляюсь, как он вообще это все терпел.

Если бы вы снимали документальный фильм о Путине сейчас, что бы вы у него спросили?

Много чего. Прежде всего, меня интересуют базовые вопросы. Не страшно ли ему, когда он остается один в кабинете? Уверен ли он, что все вокруг в час икс останутся с ним? Я бы спрашивал о каких-то жизненных вещах, а не о «Северном потоке», конечно. Я даже в каком-то смысле ему сочувствую. Я понимаю все преступления, которые он совершил, но все равно немного сочувствую ему.

Как вы думаете, отношение Ельцина к Путину тоже изменилось?

Я не могу отвечать за Ельцина. Только на уровне ощущений могу сказать, что к концу первого года президентства Путина, а к концу своей жизни тем более, Ельцин, наверняка, разочаровался в принятом им решении. Но особо подчеркиваю, что это мое индивидуальное ощущение. Думаю, найдутся те, кто с фактами в руках готов с этим поспорить.

© Manski-doc.com

Во время съемок вы близко общались с Владимиром Путиным. А каков он как человек?

Он был достаточно симпатичным. Знаете, такой парень, который вроде бы говорит толковые вещи. У него есть одна особенность, может быть, приобретенная в тех заведениях, где он учился. Вот у нас с вами деловой разговор, и я не спрашиваю вас о каких-то вещах, которые мне интересны, но к делу не относятся. А он спрашивает: что, как, откуда, а жена чем занимается? И ты думаешь, ну, елки-палки...

Он просматривал отснятый вами материал?

Нет. Я показывал какие-то куски Добродееву. Перед выходом фильма в эфир, буквально за неделю, в Кремле собралась группа очень ответственных товарищей, которые должны были принять фильм. Накануне я показал готовую картину герою, и он ее одобрил. Это, конечно, была хитрость с моей стороны. Когда они приступили к своим рекомендациям, то выяснилось, что Путин одобрил фильм, а уже в 2001 году с ним никто не спорил, поэтому эта планерка быстро свернулась.

При работе над «Свидетелями Путина» вам не нужно было ни перед кем отчитываться?

Нет, у меня была полная свобода.

Это связано с тем, что вы уехали из России?

Конечно, я не живу в России и, соответственно, не нахожусь в «путинской» юрисдикции.

А если бы вы находились в России, вы бы все равно сделали «Свидетелей Путина»?

Нет, думаю, что не стал бы. Это было бы невозможно. Картина делалась с участием нескольких стран, кинофондов, телевизионных компаний. Мы с ними договорились, что они не будут обнародовать информацию об этом фильме, чтобы работалось спокойно, например, без дополнительных затрат на охрану материала. А в России это было бы сопряжено с вероятными проблемами. Не потому, что фильм разоблачительный: он ведь вообще ничего не разоблачает, а повествует о том, что мы и так должны были хорошо изучить, но не изучили. Но у меня есть достаточно определенная позиция по отношению к внутренней и внешней политике Путина – доброхоты из разных структур могли бы заподозрить картину в чем-то опасном и не дать ее довести до конца. Когда мой товарищ, например, делал картину о Ходорковском в Берлине, то буквально за неделю до премьеры на Берлинале какие-то неизвестные люди пробрались в студию и выкрали материалы фильма. И только то обстоятельство, что копия фильма находилась в другой лаборатории на цветокоррекции, сохранило картину. Я не хотел такого рода инцидентов.

© Manski-doc.com

Вы уехали из России в 2014 году. Почему?

Основной мотив – это внутренний протест. Невозможность нахождения в энергетике, которая диаметрально противоположна твоей.

Вы бываете в России?

Не был после того, как сделал «Свидетелей Путина».

Поедете?

Пока не принял решение.

Вы сказали, что были вовлечены в систему компромиссов, что вы имели в виду? На какой компромисс пошли именно вы?

Я думаю, что система компромиссов потому и система, что каждый компромисс нельзя рассматривать по отдельности. Все началось еще в 1996 году, когда все либеральные силы пошли на компромисс с избранием Ельцина. Когда, во избежание прихода к власти коммунистов и из самых благих намерений, все, в общем, наплевали на демократические процедуры и институты и сказали, что сохранение демократической власти ценнее демократии. Абсурдное словосочетание, но тогда оно таким не казалось – и мне тоже. Казалось, что мы сейчас наплюем на демократию, но не дадим вернуться «силам зла». Но если ты недемократическим путем пытаешься сохранить институты демократии, то ничего не получается.

То есть Трамп демократичнее?

Безусловно. Он использует такие же популистские методы, как и Путин, но это уже другая история. Он демократически избранный президент, который легально выиграл у действующей власти. И потом его после двух сроков не переизберут. Никогда больше Дональд Трамп не будет президентом Америки и никакого «промежуточного» президента у них не будет. Компромиссы, сделанные в России в 1996 году, потом вернулись в виде понятийного проекта «Преемник» в 2000 году, которому не нужно было удивляться, потому что это уже была последовательность.

И «тандем» тоже вписывается в эту систему?

Естественно. Это не какой-то один компромисс, а система, из которой уже не вырваться.

Вообще никогда?

В принципе, сейчас даже смена Путина, которой, конечно, не будет, но какая-нибудь условная смена Путина ничего не решает. Потому что ситуация зависит не от Путина, а от системы, а она уже так отлажена, что даже Путин не сможет ее сломить. Сейчас, чтобы что-нибудь изменить, нужно менять не Путина, а систему.

На что?

Не на что, а как. Система не меняется эволюционным путем, а только революционно. Но если предположить гипотетическую революцию в России, то это не может вызывать ничего кроме ужаса. Поэтому и получается, что пусть лучше Путин остается. Вот такой парадокс.

© Manski-doc.com

В описании фильма «Свидетели Путина» указано, что главные герои фильма - Путин, Ельцин, Горбачев и российский народ, который, как всегда, безмолвствует. Это упрек народу?

Конечно, потому что народ, который безмолвствует, заслуживает того, что с ним делают.

А что ему нужно делать вместо того, чтобы безмолвствовать?

Уже поздно. Надо было что-то делать если не в 1996 году, то хотя бы в 2008-м или в 2012-м. Кстати, в 2012 году было самое большое протестное движение за всю новейшую историю: Болотная и прочее. Никогда в России столько людей не выходило на улицу, но уже было поздно.

И что остается - рефлексировать и оставаться человеком?

Да, сохранять в себе человеческое достоинство – это очень важно, в каких бы бесчеловечных условиях ты не находился, потому что в этом есть смысл. Остается просто ждать. Кто моложе, тот дождется. Других рецептов нет.

На недавних протестах в России было как раз много молодежи.

Протесты – это очень важная составляющая общественной жизни, но они ничего кардинально не решат. Нужно сначала дождаться, чтобы эта система занялась самодемонтажем.

Возвращаясь к фильмам, вы сняли картину «Путин. Високосный год», когда у

Путин был высокий рейтинг, и вы сами работали на госканале. А «Свидетелей Путина» вы сделали, живя за границей, при поддержке международных фондов и телекомпаний и в тот момент, когда отношения между Россией и Западом ухудшились. Вы не боитесь, что у кого-нибудь сложится впечатление, что вы гонитесь за трендом?

Вы имеете в виду конъюнктуру?

Да.

Фильм «Путин. Високосный год» был востребован и в России, и за ее пределами, и на самых престижных фестивалях. Сейчас у меня идут ретроспективы во многих странах мира, и все просят включить его в программу, но я отказываюсь. Немецкое телевидение его недавно еще раз повторяло. Более того, я готов стать под экраном и ответить за каждый кадр в этой картине. И считаю, что со временем она еще более «набрала» и стала более нарицательной в чем-то. Она отнюдь не комплиментарна и для видящего зрителя предъявляет напряженные моменты.

Удивительно, почему тогда Путин ее одобрил?

Мы подзабыли, что жили в другой системе координат, в другом государстве. Достаточно сказать, что я был руководителем департамента документального кино на ВГТРК, когда Ельцин объявил Путина в качестве преемника. И в новогодние каникулы, без согласования с собственным начальством и без согласования с администрацией президента, я дал поручение снимать фильм «Неизвестный Путин». Во время съемок мне позвонил Медведев, с которым я еще не был знаком, и поинтересовался, что это за фильм. Может быть, для русских, которые живут в Швейцарии и давно не были в России, это и звучит нормально. Но для человека, который хоть как-то связан с тем, что происходит сейчас в России, это звучит как фантастический триллер. Сейчас в принципе невозможно, чтобы администрация президента не знала, что на госканале запускается фильм о действующем президенте. Это была одна страна, но к окончанию первого срока Путина – уже другая. Не стало НТВ, ТВ-6, ко второму сроку его президентства не было и бумажных газет, к третьему не стало радио, а сейчас чистят интернет и фестивали. Показ фильма на фестивале теперь нужно согласовывать с администрацией президента!

К слову, о фестивалях. Какое будущее у вашего фестиваля «Артдокфест»?

Путин подписал закон о поддержке кино, но так как мы живем в оруэлловском пространстве, где мир – это война, то поддержка – это запрет. Теперь все фестивали должны получить государственную регистрацию. А получить государственную регистрацию независимому фестивалю, который позволяет себе фильмы критической направленности по отношению к власти, нереально.

© Artdocfest

Как вы думаете, ваши первые фильмы о Путине способствовали росту его популярности?

Думаю, да. Даже уверен в этом.

Вам пришлось в жизни за это чем-то заплатить?

Я за это расплачиваюсь полной монетой. Я вынужден был уехать из страны, в которой построил дом, посадил дерево, родил детей и планировал умереть. Это достаточно высокая цена. Я никогда не собирался уезжать из России. Никогда. Свой отъезд я считаю определенным насилием над собой и жертвой. Я знаю, что многие всегда хотели уехать, но не я.

Вы бы все равно сейчас сняли тот же фильм - несмотря на «расплату»?

Все-таки мой фильм – это не «Триумф воли» Лени Рифеншталь о Гитлере. Снял бы я «Триумф воли» о Путине? Никогда. Но мой фильм, тем не менее, повлиял на создание позитивного образа Путина, безусловно. Являлось ли неправдой то, что я делал? И да, и нет. В принципе, конечно, я в тот момент относился к нему с симпатией и ему в чем-то помогал. Это ведь я предложил ему приехать к учительнице. Совершенно очевидно, что эпизод, когда ученик в таком высоком звании находит время приехать к учительнице, очень положительно настраивает аудиторию. Да, это моя вина.

Но вы тогда были искренним?

Я был искренен, и это было мое заблуждение. Я несу теперь ответственность за это. Хотя никто мне это не предъявляет, но мы же тоже сами себе что-то предъявляем.

«Свидетели Путина» - это попытка чего?

Попытка собственного покаяния и призыва покаяния ко всем и каждому, ведь

главное послание фильма заключено в последних словах: «Немой свидетель становится соучастником». Я считаю, что мы все соучастники того, что произошло с нашей страной. Все без исключения.

От редакции. С 10 октября «Свидетелей Путина» можно будет увидеть в швейцарских кинотеатрах. Полное расписание сеансов и список городов, в которых будет демонстрироваться фильм, можно найти [здесь](#). 12 декабря фильм будет показан в онлайн-кинотеатре Artdoc.media. Билеты на онлайн-сеансы можно приобрести [здесь](#).

[Швейцария](#)

Статьи по теме

[Сталин, Путин, КГБ](#)

[«Путин: отказ от демократии»](#)

Source URL:

<http://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/vitaliy-manskiy-my-vse-souchastniki-togo-chno-proizoshlo-s-nashey-stranoy>